

Проблемы и вопросы теории и истории государства и права

УДК 34.06(09)

ФОРМИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПРОЦЕССЕ КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв.

Ф. Ф. Дудырев

Высшая школа экономики, г. Москва

В статье анализируется становление основных идей и принципов юридической техники в западноевропейской философии и доктрине права XVIII – начала XIX вв. Требования к форме нормативных правовых актов, сформулированные Ф. М. А. Вольтером, Х. Вольфом, Р. Декартом, Д. Дидро, Ш. Л. Монтескье и другими деятелями эпохи Просвещения, изучаются в контексте проведения кодификации национального законодательства Австрии, Пруссии, Франции. Показано, что «Наказ» Екатерины II, в котором заимствовались основные идеи и принципы рационализма и естественного права, впервые перенес на русскую почву и основные идеи юридической техники – требования простоты, ясности и систематичности изложения содержания нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: юридическая техника, кодификация, Просвещение, правовая доктрина, юридическая терминология, законодательная стилистика.

Зарождение современной юридической техники связано с эпохой Просвещения. Европейские философы, политики, юристы в XVIII веке сформулировали основополагающие требования к форме нормативных правовых актов, которые впоследствии легли в основу юридической техники как специальной юридической дисциплины. Комплекс идей, связанных с рационализацией юридической деятельности, унификацией юридических документов, достижением ясности, точности, доступности текста правовых норм с точки зрения их смысла, был разработан, а затем реализован в ходе кодификации законодательства Австрии, Пруссии, Франции на рубеже XVIII–XIX вв. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проследить генезис основных идей, связанных с юридической техникой, и оценить их влияние на кодификационный процесс в странах Западной Европы в описываемый период.

Процесс кодификации был тесно связан с идеологией и философией Просвещения и формированием буржуазного общественного строя в странах Западной Европы. Подчеркивая специфику содержания данного понятия,

Р. Каброяк пишет: «Это новое определение является следствием философии Просвещения и юснатурализма (школы естественного права), воспевавших закон как выражение общей воли и проявление человеческого разума. В данном аспекте кодекс уже рассматривается как обладающий внутренней логикой свод правовых норм, реформирующий действующее право» [4, с. 103]. По утверждению Ж.-Л. Берজেя, только начиная с кодификаций Наполеона во Франции можно говорить о появлении подлинной (genuine) кодификации. Каждый из кодексов, появившихся в результате этой кодификации, являлся «систематически изложенным, комплексно и методически организованным сводом общих и неизменных норм, регулирующих одну или несколько отраслей права в данной стране» [5, р. 1074].

На рубеже XVIII–XIX вв. кодификационные проекты приобрели большую популярность среди представителей политической и интеллектуальной элиты Западной Европы. По утверждению Р. Циммерманна, «это была чрезвычайно влиятельная идея, за короткий срок изменившая всю правовую традицию

континентальной Европы» [9, р. 19]. Появление в европейских странах новых кодексов не было случайным явлением. Кодификация являлась инструментом в руках королевской власти, стремящейся объединить множество раздробленных феодальных владений. Постепенно преодолевая экономическую замкнутость отдельных территорий, ограничивая действие местных правовых обычаев, усиливая роль статутного права, верховная власть исподволь создавала необходимые предпосылки для радикальной реформы законодательства. Эпоха «великих кодификаций» стала естественным продолжением этого процесса. Отмечая историческую обусловленность французской кодификации, Ж. Майле пишет: «Можно сказать, что к началу Наполеоновского периода путь к общей кодификации французского законодательства был уже проложен. Ситуация для кодификации созрела, и Наполеон лишь придал завершающий импульс этому кодификационному движению, которое продолжалось на протяжении трехсот лет, несмотря на смену исторических условий и изменения в политической системе» [7, р. 94].

Таким образом, важный политический контекст, в котором осуществлялись европейские кодификации конца XVIII – начала XIX вв., – это укрепление королевской власти, подчинение ей светских и духовных землевладельцев, традиционно обладавших феодальными иммунитетам на собственных территориях. Просвещенные монархи утверждали свой суверенитет, в том числе через кодификацию. Как подчеркивает Д. Канале, «в кодифицированных правовых системах все законодательство изначально рассматривается как система повелений, установленных монархом. Это обеспечивает суверену контроль над формой и содержанием всего законодательства: существующие на данный момент нормативные материалы остаются законом только потому, что суверен хочет, чтобы они были законом» [6, р. 139].

Востребованность и популярность идеи кодификации в XVIII–XIX вв. была обусловлена не только политическими факторами. Европейские кодексы сформировались под непосредственным влиянием философии Нового времени. Ведущие философы – Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, Б. Спиноза, И. Бентам, Ф. М. А. Вольтер, Д. Дидро, Ш. Л. Монтескье и др. – считали кодификацию эффективным инструментом социальных преобразований,

ведущим к более разумному и справедливому общественному устройству. Одновременно они формулировали новые требования к форме нормативных правовых актов и их структуре.

Философской основой для реформы законодательства европейских стран стал рационализм – учение, признающее разум в качестве основы познания и поведения людей. Согласно рационализму научное знание, несущее характер объективности, всеобщности и необходимости, достижимо посредством разума, выступающего одновременно в качестве источника знания и критерия его истинности. Используя рационалистическую методологию при изучении правовых явлений, философы переосмыслили средневековую концепцию закона и законодательства. В соответствии с данной концепцией вечный закон (*lex aeterna*) выражает божественный разум в качестве верховного общемирового направляющего начала, обеспечивающего всеобщую связь явлений в мироздании, включая естественные и общественные процессы, и обеспечивающего их целенаправленное развитие. Новая концепция основывалась на приоритете человеческого разума; в соответствии с ней законодательство не нуждается в теологической санкции и может быть усовершенствовано на основе рационального анализа.

Новое мировоззрение стало важнейшей предпосылкой для реализации кодификационных проектов. Деятели Нового времени впервые осознали, что законы можно и нужно усовершенствовать в целях изменения общества. Кроме того, они были уверены в том, что возможно создание «идеальных законов», основанных на принципах научной рациональности. Ставшая хрестоматийной фраза Ф. М. А. Вольтера – «Вы хотите иметь хорошие законы? Тогда сожгите старые и создайте новые» – наглядно отражает происшедшее изменение философско-правовой парадигмы. По словам Ф. Виаккера, «современная кодификация присвоила себе критику права, она стремится заново пересотворить справедливость, спалив, следуя Вольтеру, старые законы. Таковое представилось бы высокому Средневековью святотатством уже потому, что здесь нерушимое откровение властно предпослано человеческой справедливости» [1, с. 132].

В задачу кодификационных комиссий, действовавших в странах Западной Европы, входило не просто сведение воедино и улуч-

шение действующего законодательства. Создаваемые кодексы должны были постулировать национальное законодательство на совершенно новых, рациональных основаниях. Как отмечают Р. Давид и К. Жоффре-Спинози, «школа естественного права видела в праве не какое-то естественное явление (как продиктованная богом природа вещей у постглоссаторов), а творение человеческого разума, признанного отныне единственной направляющей право силой... Выдвижение на первый план разума как силы, творящей право, подчеркивало новую важную роль, отводимую закону, и открывало путь к кодификациям» [2, с. 38].

Р. Декарт, Х. Вольф и другие представители школы рационализма широко использовали для обоснования философских постулатов материал математики. Аксиоматическое построение научной теории, основанное на использовании метода дедуктивного выведения, считалось наиболее надежным логико-методологическим инструментарием для построения системы рационального знания. Идеологи новых кодификаций заимствовали дедуктивный метод для построения системы законодательства, и это означало радикальный переворот в принципах организации правового материала. По утверждению Р. Кабриака, «в то время как римское право отталкивалось от конкретных случаев, дабы затем эмпирически подвергнуть их классификации, выводя концепцию из факта, представители естественного права (юснатуралисты) предприняли обратный демарш, создавая абстрактную систему, основанную на неких идеях и определенном языке, которые уже потом сопоставляются с конкретной реальностью. Такой подход, характеризующийся логикой и рационализмом, мог только способствовать деятельности по систематизации существующих и выработке новых правовых норм, что и составляет суть кодификации» [4, с. 58]. Одним из следствий использования данного подхода стало появление в кодексах эпохи Просвещения Общей части, содержащей описание основополагающих принципов, определений, институтов данной отрасли права.

Следуя доктрине рационализма, составители кодексов предъявили новые требования к принципам организации нормативно-правового материала в теле кодекса. Если средневековые сборники законов, как правило, представляли собой плохо упорядоченный конг-

ломерат норм, судебных решений, мнений юристов и т.п., кодификационные акты Нового времени должны были соответствовать критериям логической связанности, полноты и формальной определенности. По утверждению Р. Циммерманна, «характерная особенность кодификации – это ее систематическая природа. Она базируется на убеждении, что материал законодательства представляет из себя не случайную массу отдельных норм и судебных решений, а что этот материал может быть сведен к рационально организованной системе. Кодификация имеет целью представление данного предмета как логически согласованного целого, состоящего из правовых норм и институтов. Таким образом, она способствует внутренней последовательности и логичности законодательства и облегчает его понимание» [8, р. 97].

В соответствии с учениями Р. Декарта, Б. Спинозы и Д. Локка критерием достоверности мысли является ее ясность, отчетливость и определенность. Применительно к текстам законов данный критерий формулировался следующим образом: в кодексе должны содержаться общие правила, сформулированные настолько ясно и точно, чтобы каждый человек мог их понять. Как пишет Д. Канале, «в соответствии с античным «общим местом» (*topos*), выдвинутым в эпоху Возрождения Т. Мором, Ф. Бэконом и Т. Кампанеллой, закон должен быть простым. Он должен состоять из небольшого количества законоположений – ясных, общедоступных и зафиксированных в письменном виде – которые могут быть доступны и понятны не только юристам-профессионалам, но также и их конечным адресатам» [6, р. 137].

Идеи, связанные с кодификацией законодательства и созданием ясных и доступных населению законов, получили признание и в России. Императрица Екатерина II под влиянием видных деятелей Просвещения сформировала развернутую программу кодификации российского законодательства. В «Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» (1767 г.) содержались руководящие правила и принципы реформирования законодательства Российской империи. Текст «Наказа» состоял из 22 глав и 655 статей; значительная часть из них (гл. VIII–X, ст. 80–250) посвящалась вопросам уголовной политики и уголовного судопроизводства. В основу уголовной политики современного госу-

дарства, по мнению автора «Наказа», должен быть положен принцип законности: «Не принадлежит никому, кроме одних законов, определять наказание преступлениям... Судьи и правительства, будучи сами частью только общества, не могут по справедливости на другого какого-нибудь члена общества наложить наказания, законами точно не определенного» [3, с. 268]. Уголовный закон, по мнению автора «Наказа», должен быть единственным основанием при принятии решений по уголовным делам. Он должен быть написан ясным языком и доступен возможно широкому кругу граждан, поскольку невежество и отсутствие представления о наказании ведет к необузданности страстей, являющихся источником преступлений. В соответствии с п. 158 «Наказа» «законы должны быть писаны простым языком, и уложение, все законы содержащее, должно быть книгою весьма употребительною, и которую за малую цену достать можно было наподобие букваря... Преступления не столь часты будут, чем больше число людей уложение читать и разуметь станет» [3, с. 272]. Таким образом, принципы, провозглашенные в «Наказе» Екатерины II, повторяли основные идеи и принципы рационализма и естественного права, сначала обоснованные в трудах европейских философов XVIII века, а затем взятые на вооружение монархами Австрии и Пруссии.

В целом европейские кодификации конца XVIII – начала XIX вв. послужили толчком для возникновения во второй половине XIX века юридической техники как специальной юридической дисциплины, обеспечивающей разработку средств, приемов и правил законотворческой деятельности. Наличие в кодексе единых основополагающих принципов, выводимость частных решений из общих предпосылок, внутренняя связь между входящими в кодекс правовыми институтами, простота и непротиворечивость, композиционная стройность, ясность языка закона и доступность кодекса для граждан – названные

принципы, сформулированные в рационалистической философии и затем реализованные в кодексах стран Западной Европы, стали важным ориентиром для дальнейшего совершенствования законодательства в странах романо-германского права.

Литература

1. Виаккер, Ф. Зарождение, расцвет и кризис идеи кодификации / Ф. Виаккер // ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения. – М.: Изд-во МГИУ, 2000. – Вып. 1. – С. 128–154.
2. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Международные отношения, 1996. – 400 с.
3. Глава X «Наказа» Екатерины II 30 июля 1767 г., данного комиссии о сочинении проекта нового Уложения // Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. О. Беккариа. – М.: Стелс, 1995. – С. 267–297.
4. Кабрияк, Р. Кодификации / Р. Кабрияк. – Самара: Статут, 2007. – 474 с.
5. Bergel J.L. Principal Features and Methods of Codification // Louisiana Law Review. – 1988. – Vol. 48. – № 5. – pp. 1073–1097.
6. Canale D. The Many Faces of the Codification of Law in Modern Continental Europe // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 9: A History of the Philosophy of Law in the Civil Law World, 1600–1900. – Springer, 2009. – pp. 135–183.
7. Maillet J. Historical Significance of French Codifications // Tulane Law Review. – Vol. 44. – Issue 4. – pp. 681–692.
8. Zimmermann R. Codification: History and Present Significance of an Idea (A propos the recodification of private law in the Czech Republic) // European Review of Private Law. – 1995. – № 3. – pp. 95–120.
9. Zimmermann R. The civil law in European Codes // Regional private laws and codification in Europe. Cambridge University Press, 2003. – pp. 18–59.

Дудырев Федор Феликсович – кандидат исторических наук, главный эксперт Института образования НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва. E-mail: dudyrev.fedor@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2014 г.

**LEGAL TECHNIQUE DURING LEGISLATION CODIFICATION
PROCESS IN WESTERN EUROPE
IN THE XVIII – EARLY XIX CENTURIES****F. F. Dudyrev****National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russian Federation**

The article analyzes key ideas and methods of legal technique in West European legal philosophy and doctrine in XVIII – early XIX centuries. Requirements for statutes and regulations formed by F. Voltaire, C. Volf, R. Descartes, D. Diderot, C. Montesquieu and other representatives of Enlightenment are analyzed in the context of national law codification in Austria, Prussia and France. The requirement of simplicity, clarity and systematic presentation of content of legal acts proclaimed by Catherine's Decree is based on ideas and principles of European rationalism and natural law.

Keywords: legal technique, codification, Enlightenment, legal doctrine, legal terminology, legislative style.

References

1. Viakker F. [Birth, rise and crisis of the idea of codification]. *FEMIS. Yearbook of the history of law and jurisprudence*, 2000, Iss. 1, pp. 128–154. (in Russ.)
2. David R., Jauffret-Spinosi C. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Principal legal systems of modernity] Moscow, 1996, 400 p.
3. [Chapter X «Decree» of Catherine II July 30, 1767, given Commission about writing a new Code] Beccaria C. On Crimes and Punishments [O prestuplenijah i nakazaniyah] Moscow, 1995, pp. 267–297. (in Russ.)
4. Cabriak R. *Kodifikacii* [Codifications]. Samara, 2007, 474 p.
5. Bergel J. L. Principal Features and Methods of Codification // *Louisiana Law Review*, 1988, Vol. 48, № 5, pp. 1073–1097.
6. Canale D. The Many Faces of the Codification of Law in Modern Continental Europe // *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 9: A History of the Philosophy of Law in the Civil Law World, 1600–1900*. Springer, 2009, pp. 135–183.
7. Maillet J. Historical Significance of French Codifications // *Tulane Law Review*, Vol. 44, Issue 4, pp. 681–692.
8. Zimmermann R. Codification: History and Present Significance of an Idea (A propos the recodification of private law in the Czech Republic) // *European Review of Private Law*, 1995, № 3, pp. 95–120.
9. Zimmermann R. *The civil law in European Codes* // *Regional private laws and codification in Europe*. Cambridge University Press, 2003, pp. 18–59.

Fedor Feliksovich Dudyrev – Candidate of Science (History), chief expert of the Institute of Education, NRU Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. E-mail: dudyrev.fedor@yandex.ru.

Received 24 February 2014.